
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛОМЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА*

Чумаков А. Н.**

В статье поднимается ряд острейших проблем современности и предлагается оригинальный взгляд на их природу, что открывает новые возможности для преодоления их посредством соответствующей культурной и цивилизационной политики, которую в условиях глобализации могут и должны проводить национальные государства, в том числе и Россия. В этой связи рассматриваются культурные и цивилизационные основания общественных систем, анализируются условия, при которых разность в культурно-цивилизационном развитии различных стран становится детонатором социальной нестабильности и «цветных революций». При этом предлагается по-новому посмотреть на международные санкции, в частности как на альтернативу открытым военным столкновениям и сохраняющуюся возможность для урегулирования разногласий мирным путем.

Ключевые слова: культура, цивилизация, культурно-цивилизационная система, ойкумена, литосфера, конфликт, проблема, социальная нестабильность, «цветная революция», санкции, взаимодействие.

The article raises a number of topical problems and offers an original explanation of their nature. This opens up new opportunities to overcome such problems in the context of globalization through cultural and civilizational policy of the different states, including Russia. In this context, special attention is paid to cultural and civilizational foundations of social systems, analyzes the conditions, when the difference in the cultural and civilizational development of different societies becomes the detonator of social instability and “color revolutions”. The author offers a fresh look at international sanctions, in particular, as an alternative to military confrontation, and as an opportunity to overcome problems peacefully.

Keywords: culture, civilization, cultural and civilizational system, ecumene, lithosphere, conflict, problem, social instability, color revolution, sanctions, interaction.

Современный мир – единая, динамично развивающаяся система, где ни одна страна не может существовать отдельно от мирового сообщества. С этим трудно не согласиться, даже если недооценивать объективные тенденции глобализации, ее интегративную роль в международной жизни и, как следствие, скептически относиться к перспективе установления сбалансированных культурных и цивили-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

** Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., проф., заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ; ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

зационных отношений в планетарном масштабе. Вместе с тем вовсе не очевидно, что целостность этой системы предзадана самим ходом исторического развития. Достаточно сказать, что пережив в XX в. две мировые войны, а затем и холодную, человечество и в новом столетии пребывает в разрозненном состоянии, фактически балансируя на грани войны и мира. И дело не только в том, что в разных точках планеты периодически вспыхивают горячие точки, в которых конфликты то затухают, то вновь накаляются, а в ряде регионов и вовсе идут локальные войны с применением фактически всех видов вооружения, за исключением разве что ядерного, химического и бактериологического.

По существу такое состояние дел в мировой практике, за вычетом каких-то коротких периодов времени, всегда было и остается теперь скорее правилом, чем исключением. Однако в последние полтора-два десятилетия ситуация принципиально изменилась в сторону усиления напряженности как внутри отдельных стран, так и между национальными государствами и их альянсами. И вполне очевидно, что мы все больше втягиваемся в новую холодную войну. Происходит же это на фоне все усиливающейся многоаспектной глобализации [Глобалистика... 2006: 568–572], когда в глобально взаимосвязанном мире многочисленные субъекты международных отношений, преследуя эгоистические цели и отстаивая собственные интересы, при отсутствии внешней силы (образно говоря, соответствующего «левиафана»), способной заставить их действовать с учетом интересов не только своих, но и других, а тем более общих, объективно оказываются в ситуации **войны всех против всех**.

Всевозможные санкции, которые в последнее время все больше становятся инструментом воздействия на отдельные страны и организации с целью вынудить их изменить свою политику и линию поведения, являются наиболее характерным выражением такого положения дел. Еще более ярким примером усилившейся нестабильности, несомненно, являются «цветные революции», ставшие отличительной чертой мирового порядка с конца XX в. При этом если революции вообще и «цветные» в частности обусловлены внутренними противоречиями того или иного государства и являются квинтэссенцией таких противоречий, то санкции касаются внешней сферы, то есть возникают в области взаимоотношений субъектов международного права.

Использование санкций в качестве особого инструмента для решения тех или иных проблем, по которым не удается договориться, явление довольно новое, а его эффективность обусловлена глобальными связями и глобальной взаимозависимостью, до появления которых в санкциях не было никакого смысла. Однако теперь, когда мир вступил в стадию многоаспектной глобализации, они стали реальностью, и как бы ни показалось странным, их вполне можно отнести к цивилизованным методам отстаивания своих интересов в международных делах глобального мира, построенного на противоречиях и противоборстве различных субъектов международного права. По существу, это применение «мягкой силы», когда не удается найти решение путем переговоров или на правовой основе [Чумаков 2014: 192–195].

Разумеется, санкции – это плохо. Это сворачивание торговых, деловых, финансовых и иных отношений, ухудшение экономического положения дел и снижение жизненного уровня, испытывая которые, та или иная сторона конфликта

идет или не идет на уступки и соглашения. Как показывает опыт, например, Северной Кореи, Кубы или Ирана, а теперь и России, санкции могут игнорироваться достаточно долгое время, а альтернативой им могут быть либо уступки и последующее соблюдение достигнутых договоренностей, либо обострение конфликта и продолжение выяснения отношений, но уже с помощью военной силы. Однако важно подчеркнуть, что санкции, как односторонние, так и двухсторонние, – это не просто закономерное следствие нерешенных противоречий в международных отношениях, а достаточно эффективный способ выразить свое несогласие и мирно противодействовать другой стороне конфликта в условиях, которые складываются под влиянием многоаспектной глобализации, где все структурные элементы глобального мира оказываются в тесной взаимозависимости. В этих обстоятельствах альтернативой санкциям, при неумении или нежелании сторон договориться, может быть лишь непосредственное применение жесткой силы и развязывание военных действий. Вот почему применение санкций (как одной из форм «мягкой силы»), тем более в конфликтных ситуациях с участием стран, обладающих ядерным оружием, следует рассматривать не только как крайнюю меру, но и как выбор между плохим и худшим, когда выбирая плохое, все-таки воздерживаются от худшего сценария, сохраняя при этом возможность возвращения к переговорам и достижения взаимоприемлемых договоренностей.

Другое дело «цветные революции». Они также дестабилизируют социальную жизнь и представляют угрозу сложившимся общественным отношениям, причем не только внутри той или иной страны. Имея непосредственное сходство с социальными переворотами, происходившими во все века и в различных формах, они тем не менее обладают и своей спецификой. Как это и было всегда в истории, революции являются закономерным порождением нерешенных общественных противоречий, когда субъективный фактор хотя и играет порой очень важную роль, тем не менее не является определяющим в конечном счете. Так, если отсутствуют объективные условия для массовых протестов, возможности использования субъективных факторов оказываются незначительными. Однако там, где накопились серьезные противоречия и не предпринимаются адекватные и своевременные усилия для их решения, массовые выступления оппозиционных сил и протестные акции практически гарантированы. А в условиях глобальной мобильности и планетарной системы коммуникаций, к тому же при широком использовании медийных и информационных технологий, они могут привести к смене власти и без насильственных действий, вероятность которых прямо пропорциональна уровню развитости гражданского общества в данной стране.

Поскольку участники таких протестов в целях консолидации широких масс и позиционирования мирного характера своих выступлений используют обычно в качестве символических отличительных знаков цветы или какие-то предметы определенного цвета, то за ними закрепился термин «цветные революции», который следует рассматривать как собирательное понятие. Такие революции с полным основанием можно именовать, например, и «твиттерными», поскольку в процессе их организации и проведения обычно активно используются социальные сети в Интернете.

В зависимости от строгости критериев, завершенности или незавершенности процессов и т. п. разные авторы по-разному выделяют и классифицируют «цвет-

ные революции». Одни причисляют к ним лишь бесспорные события, другие считают, что их более полусотни, но, как правило, практически все сходятся во мнении, что таковыми являются: «революция гвоздик» (Португалия, апрель 1974 г.); «Желтая революция» (Филиппины, февраль 1986 г.); «Бархатная революция» (Чехословакия, ноябрь – декабрь 1989 г.); «Революция роз» (Грузия, ноябрь 2003 г.); «оранжевая революция» (Украина, ноябрь 2004 – январь 2005 г.); «тюльпановая революция» (Киргизия, февраль – апрель 2005 г.); «васильковая революция» (Белоруссия, март 2006 г.); «сиреневая революция» (Молдавия, апрель 2009 г.); «жасминовая революция» (Тунис, декабрь 2010 – февраль 2011 г.); «революция лотоса» (Египет, январь – февраль 2011 г.); «Евромайдан» (Украина, 2013–2014 г.); «революция зонтиков» (Гонконг, сентябрь 2014 – июнь 2015 г.); «революция розеток» (Армения, июнь 2015 г.).

Некоторые из этих революций закончилась сменой власти, другие не удалась, но вполне очевидно, что список подобных событий незавершен, и вопрос лишь в том, где и когда повторится похожий сценарий. Там, где уже свершились «цветные», «твиттерные» и т. п. революции, ситуации тем не менее, как правило, далеки от стабильности и благополучного положения дел. Там, где они не окончились – дестабилизация, а то и вовсе разруха, насилие и людское горе. А где для этого есть соответствующая почва, но революции еще не свершились или не удалась, – нервность и опасения, что они могут произойти [Гапич 2010; Кагарлицкий 2007].

Отсюда повышенный интерес к такого рода событиям и стремление разобраться в причинах данного явления. При этом, поскольку «цветные революции» нередко проходят при нескрываемой поддержке извне, в частности США и отдельных стран Запада, как, например, в Грузии, Киргизии или Украине, то сложилось мнение, что в их основе непременно лежит внешний фактор, вмешательство со стороны других государств. И именно такое вмешательство объявляется главной причиной подобных революций [Мадсен... 2015; McFaul 2006]. Но проблема остается, и острота ее не снижается, поскольку еще нет основательно проработанных и вполне обоснованных ответов на вопросы: какова же истинная природа данных явлений? Что лежит в их основе? Почему именно с конца XX в. и почему именно в это время они стали регулярным явлением общественной жизни? Наконец, закончилась ли эпоха таких революций и можно ли их предотвратить?

Начнем с последнего вопроса. На мой взгляд – нет, данная эпоха не закончилась и предотвратить такие революции практически невозможно. Их можно лишь при определенных обстоятельствах и соответствующей реакции властей отсрочить или «спустить на тормозах», понизив опасность до какого-то уровня и то лишь на определенное время, поскольку причина в таком случае не устраняется.

А когда истинная природа явлений или событий остается нераскрытой, то и реагируют на них по большей части методом проб и ошибок, а по существу – на ощупь, вслепую. При этом не понимая реальных причин происходящего, все силы бросают на «тушение пожаров», применяя зачастую неадекватные меры, что еще больше усугубляет проблему. Иными словами, главным недостатком существующих решений является то, что они носят в лучшем случае тактический характер, тогда как стратегическое видение проблемы и соответствующая стратегия действий отсутствуют. По большей части это происходит потому, что нет достаточ-

ной теоретической базы и соответствующих исследований, которые затрагивали бы основы общественной жизни и показывали фундаментальные противоречия, проистекающие из культурных и цивилизационных различий отдельных стран и народов в условиях глобализации. А это как раз и является ключевым моментом в понимании природы «цветных революций», на чем и следовало бы сосредоточить основное внимание.

Изначально рассмотрим географическое расположение центров нестабильности. Обратившись к карте планеты, нетрудно заметить, что страны, где произошли «цветные революции» или были попытки их совершить, располагаются в основном на «стыках» принципиально отличающихся друг от друга культурно-цивилизационных систем [см.: Чумаков 2006: 377–440]. Именно там вполне отчетливо просматриваются зоны нестабильности, в особенности та из них, которая проходит по линии, соединяющей страны, располагающиеся вокруг Западной Европы. Так, вполне очевидно выстраивается практически сплошная линия, которая начинается от Гибралтара и далее проходит по Северной Африке вдоль средиземноморского побережья через Ближний Восток к Армении и Грузии, далее через Украину, Белоруссию к бывшим прибалтийским республикам. Также достаточно четко прослеживается линия, проходящая по азиатским республикам бывшего Советского Союза. В то же время мы практически не видим ничего подобного в Северной Америке, Африке южнее Сахары, Австралии, а также, с некоторыми оговорками, в Южной Америке, равно как и на азиатском пространстве (помимо уже упомянутых регионов этого континента), где наблюдаются лишь отдельные очаги подобия «цветных революций», примером чего могут быть события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.). Почему это так, станет понятным, когда выяснится истинная причина социальных взрывов.

Итак, почему именно по отмеченным выше линиям пролегает прежде всего зона нестабильности, почему именно такие, а не иные очертания приобретают очаги социального напряжения? Если рассматривать «цветные революции» как результат и внешнее проявление глубинных противоречий и разногласий в общественных системах, а именно так и следует их понимать, то объяснение данного феномена следует искать не только в социально-политическом устройстве и экономическом состоянии отдельных стран, но и в том, как они соотносятся с окружающими их общественными системами [Куда движется... 2014].

Пониманию сути происходящего в определенной степени может помочь сравнение хотя и весьма далеких друг от друга, но схожих по внешнему проявлению социальных и природных процессов. Так, взрывы социальной активности и очаги повышенной турбулентности в обществе можно уподобить землетрясениям, вулканической деятельности и горообразованию, которые характерны для естественной природы. Все знают, что время от времени случаются землетрясения, вулканы проявляют свою активность, а в определенные геологические эпохи появляются новые горы, но никто не может сказать точно, когда это произойдет и каких масштабов достигнет природная стихия. При этом следует заметить, что географическое расположение мест сейсмической или вулканической активности вполне предсказуемо теперь уже не только в силу наблюдаемости данных явлений, но и на основе знаний о строении земной коры и природе геологических процессов. Как известно теперь геологической науке, землетрясения, вулканиче-

ская деятельность и горообразование обусловлены подвижкой литосферных (тектонических) плит, которые имеют разломы, а своими краями сталкиваются друг с другом. «Литосферная плита – это крупный стабильный участок земной коры, часть литосферы. Согласно теории тектоники плит, литосферные плиты ограничены зонами сейсмической, вулканической и тектонической активности – границами плиты» [Что такое...].

Достаточно посмотреть на карту литосферных плит Земли, чтобы увидеть, что как раз на линиях разломов и столкновения этих плит и происходят геологические катаклизмы. В частности, вулканы возникают именно в местах разлома земной коры. «Поскольку извержения вулканов представляют собой следствие тектонических подвижек – землетрясений, то всегда землетрясения и предвещают извержения. А вулканы наблюдаются лишь в сейсмически активных зонах. То есть, вулканы практически всегда приурочены к краям тектонических плит, где происходят гигантские деформации» [Шумилов 2010]. Тектонические движения пластов земной коры являются также и причиной появления гор. «Движение плит приводит к разламыванию гор у краев плиты с образованием в породе длинных сдвигов (расщелин). Блоки суши иногда выдвигаются кверху вдоль плоскости сбросов, создавая наклонные горы – как Сьерра-Невада в Калифорнии. А бывает, что блок высовывается вверх между двумя почти параллельными линиями разломов. Кряжи таких гор круто возвышаются над окружающим рельефом» [Образование...].

Сказанное вполне может послужить аналогом тому, что происходит в обществе, если посмотреть на него через призму культурно-цивилизационных систем, которыми, собственно, и представлено все человечество. Эти системы, покрывающие, подобно литосферным плитам, все социальное пространство Земли, как раз и порождают на линиях своих разломов и соприкосновений те напряжения и социальные потрясения, наиболее ярким выражением которых и являются «цветные революции». Для лучшего понимания сути происходящего необходимо обратиться к тому, что представляют собой культурно-цивилизационные системы и каких типов они бывают.

Понятие «культурно-цивилизационная система» введено в научный оборот относительно недавно и используется применительно к той или иной социальной структуре, определенной общности людей для характеристики их «в качестве единого целого одновременно с двух сторон – со стороны их культурной принадлежности и вовлеченности в цивилизационные процессы» [Чумаков 2006: 377].

Почему необходим именно такой взгляд на общество? Потому что вне этого контекста невозможно раскрыть глубинные основания современных межкультурных противоречий. Культура – это то, что принципиально отличает человека и различные сообщества людей от мира животных. Иными словами, мы можем говорить о человеке только в той мере, в какой он овладел культурой, и наоборот, о культуре можно рассуждать лишь в той степени, в какой у нас есть основания говорить о человеке как о существе, отличном от мира животных. Ф. Энгельс, как известно, рассуждал о формировании человека в контексте появления речи, труда и мышления [см.: Энгельс 1961: 486–498]. Но это как раз и есть то, что мы именуем зачатками культуры, определяя ее как такую творческую деятельность людей, которая направлена на преобразования окружающего человека мира и самого че-

ловека, а также результаты этой деятельности. К культуре относится также и совокупность обычаев, традиций, верований, ценностей, этических норм и т. п., составляющих духовную основу жизнедеятельности людей. А поскольку стержнем любой культуры всегда является язык и в значительной степени религия, то в силу своей уникальности и несводимости к другим языкам и религиям они придают каждой конкретной культуре отличительные черты, своеобразие и неповторимость, делая их тем, что обособляет, а по сути, разделяет отдельных людей и всевозможные сообщества. Здесь-то и кроются корни множества конфликтов и противоборства интересов.

Однако в реальности мы видим не только обособление и противоборство, но и кооперацию, продуктивное взаимодействие людей. Происходит же это на несколько иной – цивилизационной основе, начало формирования которой относится к появлению государства и которая к настоящему времени имеет различную степень развитости у разных народов. Именно то, что именуется цивилизованностью (от лат. *civilis* – гражданский, городской, государственный), как раз и является интегрирующим началом в общественных отношениях. Важно подчеркнуть при этом, что понятие «цивилизация» возникло намного позже самого явления – лишь в Новое время, когда обнаружилась настоящая потребность особо выделить такие отношения в обществе, которые базируются на правовой основе и характеризуются смягчением нравов, уважением к правам человека. С появлением этой категории появилась возможность гораздо лучше описывать общество с точки зрения обустроенности общественной жизни, более высокого уровня развития его государственности, экономических и социально-политических отношений, характера внутренних и внешних связей данной общественной системы.

Таким образом, цивилизация выступает как бы оборотной стороной культуры. При этом если в понятии «культура», выражающем состояние, процессы и отношения в обществе, акценты смещаются в сторону состояния, то термин «цивилизация» акцентирует внимание на отношениях. Вместе с тем культура – это как бы внутренняя характеристика общества, раскрывающая его сущность, в то время как цивилизация скорее форма, внешнее обрамление культуры, характеризующее общество с точки зрения форм его управления, функциональных связей и отношений. При этом оба термина – и «культура», и «цивилизация» – имеют общий предмет, но разные, хотя и взаимосвязанные, объекты, так как с разных сторон отражают и описывают одну и ту же социальную реальность. Их союз, единожды возникнув, в общей своей динамике имеет постоянную тенденцию к развитию и совершенствованию. Вместе с тем между ними существует и принципиальное отличие, которое также легко просматривается. Понятие «цивилизация», в силу закрепившихся за ним смыслов, обычно относится к странам и народам в целом, характеризуя степень их технологического развития и форму организационно-правового устройства, тогда как термин «культура» выражает в конечном счете уровень развития духовности того или иного народа, в которой отражаются высшие достижения цивилизации.

На диалектическое единство и различие этих двух понятий указывают и аналогии, которые нередко просматриваются в естественном языке. Так, например, когда речь идет о культурных достижениях, это же самое зачастую может быть названо успехами цивилизации, и наоборот, когда говорят о благах цивилизации,

которыми пользуются люди, по существу, имеют в виду результаты поступательного развития науки и техники, а также материальную культуру, которая совершенствуется и приумножается во многом благодаря научно-техническому прогрессу. Тем самым появляется и приобретает особое значение вопрос о культурно-цивилизационном взаимодействии, когда культурную составляющую фактически уже нельзя отделить от цивилизационной и наоборот. Помимо культурно-цивилизационного взаимодействия в данном контексте можно говорить также и о культурно-цивилизационных связях, культурно-цивилизационных системах, культурно-цивилизационных кодах поведения или, например, культурно-цивилизационной идентичности.

Теперь, когда под влиянием процессов глобализации человечество стало планетарным явлением, сохраняя при этом известную автономность и самодостаточность своих составных частей в пределах отдельных регионов и локальных территорий, возникла потребность увидеть единство всего этого общественного организма в его многообразии и взаимосвязи. Можно сказать и по-другому: мировая общественная система, выступающая основным объектом исследования при изучении процессов глобализации, может и должна рассматриваться теперь также и с точки зрения составляющих ее частей, когда структурными элементами, составными ее частями выступают отдельные общественные образования, будь то национальные государства, социокультурные общности, экономические или политические союзы, религиозные общины и т. п. Будучи сами по себе отдельными социальными структурами, такие составные части (подсистемы) единой общечеловеческой системы составляют вместе с ней уникальный социосферный фрактал¹. Наилучшим образом его можно понять лишь в культурно-цивилизационном контексте, как в отношении всей мировой системы в целом, так и относительно составляющих его частей, взятых по отдельности, когда они выступают в качестве самодостаточных культурно-цивилизационных систем.

Такой взгляд на глобальное человечество и его составные части, когда оно воспринимается как фрактал, голографически отображаемый в как бы накладывающихся друг на друга понятиях «культура», «цивилизация», «глобализация», позволяет наилучшим образом увидеть явное в неявном и неявное в явном, большое в малом и малое в большом, случайное в закономерностях и закономерности в случайном, частности в общем и общее в частности, незначительное в значительном и значительное в незначительном и т. п., что имеет принципиальное значение для понимания глобального мира и общественных отношений в их многообразии и противоречиях. Иными словами, на современный мир следует смотреть, если можно так выразиться, не в «черно-белом» изображении, а в «цветном»; можно сказать и по-другому – его нужно воспринимать не «в плоскости», а «в объеме». Но тогда и язык, который позволил бы адекватно отразить это новое

¹ *Фрактал* – материальный, графический или иной объект, характеризующийся дробной размерностью и идентичностью (самоподобием) всех входящих в него составных частей, различающихся между собой только масштабами форм. Фрактал выражает также принцип построения различных тел, фигур или абстрактных схем, когда большее по форме выступает повторением входящего в него меньшего. Рассмотрение глобального человечества в качестве фрактала открывает принципиально новые возможности для понимания целостности фрагментарно устроенного мира и в то же время самобытности, а в известном смысле и самодостаточности отдельных фрагментов, составных частей этой целостности, когда в многообразии легко просматривается единство и наоборот, в единстве – многообразии.

видение глобального мира, должен включать в себя соответствующую терминологию. Выражение «культурно-цивилизационные системы» как раз и является таким комплексным понятием, с помощью которого человечество в целом и его структурные элементы, прежде всего государства и их альянсы, могут быть поняты в их единстве и различии с разных сторон.

Не вдаваясь в подробности различных вариаций культурно-цивилизационных систем, остановимся на их принципиальных отличиях друг от друга. При этом под культурно-цивилизационными системами будем понимать самодостаточные целостные общественные структуры, которые, с одной стороны, отличаются принципиальной схожестью основных параметров культуры, где при наличии множества несовпадений обязательно должны быть некоторые доминирующие составляющие (общие для всего социума), такие, например, как язык, религия, идеология; а с другой стороны, характеризуются относительной равномерностью проявления в различных частях таких структур общих цивилизационных связей и отношений.

Заметим к тому же, что любая социальная общность занимает то или иное конкретное территориальное пространство, которое хотя и не всегда может быть четко обозначено в своих предельных границах (основных контурах), тем не менее по существу без особого труда идентифицируется на географической карте Земли, например в границах какого-то национально-территориального образования, конкретного государства или их альянса. В исторической науке для обозначения таких территорий употребляются уже вполне установившиеся термины: «район», «область», «регион», «ойкумена»² и, как предельное значение территориального охвата, «весь мир», то есть планета в целом. В контексте темы нашего анализа достаточно ограничиться масштабами ойкумен, поскольку именно такие территории обычно и занимают крупные современные государства или интегративные общественные системы, характерным представителем которых является, например, Европейский союз.

Итак, выделяя культурно-цивилизационные ойкумены, мы будем акцентировать внимание на территориальных границах, в пределах которых при всем культурном разнообразии различных социальных образований проявляется их цивилизационное единство. С учетом сказанного в современной мировой социосистеме достаточно четко просматриваются 18 культурно-цивилизационных ойкумен: 1) Западноевропейская; 2) Восточноевропейская; 3) Российская; 4) Ближневосточная; 5) Средневосточная; 6) Центрально-азиатская; 7) Азиатская (Юго-Восток); 8) Индийская; 9) Китайская; 10) Японская; 11) Тихоокеанская; 12) Австралийская (включая Новую Зеландию); 13) Североамериканская; 14) Центральноамериканская; 15) Южноамериканская; 16) Североафриканская; 17) Центральноафриканская; 18) Южноафриканская.

Разумеется, приведенный список вовсе не исключает и другие подходы, и иную градацию [см.: Глобалистика... 2006: 985–994]; но в нашем случае он позволяет посмотреть на современный мир с необычной стороны и увидеть его по-новому. Отметим при этом, что если некоторые из названных ойкумен, такие,

² Здесь *ойкумена* (от гр. οἰκουμένη – населяю) – самый крупный *территориальный* фрагмент поверхности Земли, включающий в себя, как правило, несколько регионов.

например, как Североамериканская, Западноевропейская, Российская, Китайская, Индийская или Японская, достаточно легко идентифицируемы, в том числе и по территориальному признаку, то в отношении других могут возникать уточняющие вопросы, в частности с точки зрения входящих в них стран и контуров их границ. Однако поскольку для данного исследования такая детализация не имеет принципиального значения, ее вполне можно оставить для отдельного разговора. То же относится и к подобному рода ойкуменам прошлого, количество и местоположение которых будет варьировать в зависимости от рассматриваемого периода человеческой истории. Важно также подчеркнуть, что временные параметры таких ойкумен (время их появления, жизни и исчезновения) имеют в известной степени условный характер и могут быть по историческим меркам и быстротечными, и весьма продолжительными; а территориальное расположение не является раз и навсегда заданным, то есть границы культурно-цивилизационных ойкумен могут быть как достаточно устойчивы, так и подвижны.

Заметим также, что вполне правомерно проводить различие между отдельными культурно-цивилизационными системами, не сравнивая их по принципу «лучше» или «хуже», а выясняя характерные для каждой из них особенности и определяя возможности их культурного и цивилизационного взаимодействия. Так, чем больше обнаруживается культурно-цивилизационное совпадение различных народов, тем легче и активнее между ними складывается атмосфера взаимопонимания и сотрудничества. К примеру, Европа, Северная Америка, Австралия и даже, с определенными оговорками, Япония хотя и отличаются (порой значительно) друг от друга по культуре, но имеют достаточно высокий уровень цивилизационного развития, что делает их культурно-цивилизационные системы по многим параметрам вполне стыкующимися. Иными словами, эти существенно отличающиеся друг от друга общественные системы имеют сходные базы для взаимодействия и сотрудничества, и все вместе они с достаточным на то основанием подходят под одно собирательное понятие «Запад», что, в частности, хорошо показали в своем исследовании Л. И. Гринин и А. В. Коротаев [Гринин, Коротаев 2014: 14–31]. В последние годы можно наблюдать, как Китай, Индия, Россия и Бразилия, обладая самобытными культурами, но наращивая темпы цивилизационного развития, также становятся в ряд тех стран, между которыми улучшаются и усиливаются культурно-цивилизационные связи и конструктивное сотрудничество [см.: Страны... 2015; Kwang 2013].

При этом для западной (техногенной, капиталистической) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы, сопровождающееся ускорением научно-технического прогресса, возрастанием антропогенной нагрузки на окружающую среду, непрерывным изменением социальных связей и отношений. Восток же (а можно взять и шире – «незапад»), напротив, ассоциируется обычно с традиционализмом и преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы и естественный ход событий. Здесь традиционно доминирует коллективистское начало, в то время как на Западе – индивидуальное; и потому человек на Востоке больше ориентирован на адаптацию к сложившейся социально-политической среде, а не на ее преобразование, как это характерно для западного менталитета. В итоге можно сказать, что на Востоке (по большей части и в России)

упор делается на культуру, тогда как на Западе – на цивилизацию.

Из этого краткого сопоставления западного и восточного типов общественно-го развития можно сделать важный вывод, что как только мы начинаем смотреть на мир с позиции его фрактальности, выделяя в нем культурно-цивилизационные системы (ойкумены), так все то, что по сложившейся традиции именуется теперь самодостаточными культурами и цивилизациями, без особых сложностей выстраивается в соответствующий, вполне определенный ряд и достаточно легко вписывается в современную глобальную картину мира. А наиболее ценное, с точки зрения нашего анализа, заключается в том, что социальные конфликты и потрясения в виде «цветных революций», санкций и т. п. перестают быть случайными явлениями, поскольку их природа проявляется через взаимодействие и противостояние различных культурно-цивилизационных систем.

Так, возвращаясь к «поясу нестабильности», опоясывающему Западноевропейскую культурно-цивилизационную ойкумену, можно утверждать, что он обусловлен именно непосредственным соприкосновением, а фактически столкновением данной ойкумены с примыкающими к ней Североафриканской, Ближневосточной и Восточноевропейской культурно-цивилизационными ойкуменами, которые находятся на других ступенях по уровню цивилизационного развития. В них в силу исторических, экономических, социокультурных и ряда других причин имеют место более авторитарные системы государственного управления, слабее развиты гражданские институты и гражданское общество, меньшее значение придается общечеловеческим ценностям, признанию и соблюдению прав человека. В итоге по мере усиления глобализационных процессов и технических возможностей, увеличивающих взаимозависимость и социальную мобильность, информационную открытость и уровень образования, все большее количество людей в странах, тесно примыкающих к Западной Европе, получают непосредственный опыт о другой, более высокого качества жизни, и ставят под сомнение не столько культурные, сколько цивилизационные достижения своих общественных систем. При этом люди во все возрастающих масштабах стараются изменить свой образ жизни и, не имея соответствующих возможностей у себя дома, решаются на эмиграцию, уезжая от потрясений, бесправия и нищеты туда, где есть стабильность, правовая защищенность и относительное благополучие. В итоге в последние годы Европа буквально задыхается от наплыва эмигрантов. Так, только по одному решению Европейской комиссии от 27 мая 2015 г. 40 тыс. беженцев из Африки и с Ближнего Востока, по большей части нелегально прибывшие в Италию и Грецию, должны быть перемещены в другие страны – члены Европейского союза по принципу распределения в течение двух лет [ЕК предложила... 2015]. Такое положение дел встречает в Европе растущее сопротивление как отдельных государств (Франция, Чехия, Польша и др.), так и широких слоев населения, примером чему могут служить массовые выступления в Словакии. Там 20 июня 2015 г. состоялась акция протеста с участием 10 тысяч человек против увеличения численности в Европе мигрантов из мусульманских стран, Северной Африки и с Ближнего Востока. Собравшиеся скандировали лозунги: «Словакия – словакам» и разорвали флаг Евросоюза [В Братиславе... 2015].

Но у данной проблемы есть и другой аспект. Поскольку из примыкающих к Европейской ойкумене стран все уехать не могут, а количество недовольных ак-

тивно растет, то при достижении критической массы наступают условия для начала «цветных революций». Примерами такого рода событий являются не только государства Северной Африки, Ближнего Востока, Грузия или Украина, но и Молдавия, Белоруссия, Армения, потенциально Азербайджан, в известной мере и Россия. Не все просто с этой точки зрения и в самой Европе. Чем ближе к краям ее ойкумены, то есть к культурно-цивилизационному разлому, тем менее стабильна социально-экономическая и политическая ситуация, что вполне подтверждается не только португальским или балканским опытом, но и испанскими, итальянскими проблемами, а потенциально и прибалтийскими республиками, не говоря уже о последнем греческом финансовом кризисе.

Особый интерес представляет линия культурно-цивилизационного разлома, проходящая между Российской и Центрально-азиатской культурно-цивилизационными системами (ойкуменами). Помимо религиозного фактора, усиливающего различия этих систем, главное все-таки заключается в том, что среднеазиатские республики (как и Россия) являются отколовшимися фрагментами некогда единой для них бывшей Советской культурно-цивилизационной системы. Теперь же они вынуждены дрейфовать, испытывая значительное воздействие внутри своей ойкумены со стороны других входящих в нее исламских стран, а также сильное влияние не только со стороны Российской и Китайской, но и Западной культурно-цивилизационных систем. В итоге там нет пока еще прочных оснований для дальнейшего стабильного общественного развития, тогда как возможности для возникновения социальных потрясений значительно возрастают по мере вовлечения этого региона в систему геополитических отношений, где ведущие позиции занимают наиболее влиятельные субъекты глобального мира.

Почему на стыке таких культурно-цивилизационных систем (ойкумен), как Российская и Китайская или Центральноафриканская и Южноафриканская, не просматриваются те процессы, которые вызывали бы подобные революции? Ответ (при использовании приведенной выше аналогии с тектоническими плитами Земли), вполне очевиден – между ними нет той большой разницы в уровнях цивилизационного развития, которая создавала бы достаточно сильное напряжение на стыках их культурно-цивилизационных систем.

А что касается таких, например, ойкумен, как Североамериканская, Центральноамериканская, Южноамериканская, Тихоокеанская, Австралийская или Японская, то они в определенной мере застрахованы от «цветных революций» тем, что не стыкуются (или практически не стыкуются) с другими культурно-цивилизационными системами, будучи отделенными от них, как правило, океанскими просторами. А те из них, население которых тем не менее активно путешествует и широко ведет бизнес по всему миру (речь прежде всего о США, Канаде, Японии, Австралии), в цивилизационном отношении достаточно развиты, чтобы не опасаться «цветных революций». Наконец, особым (локальным в рамках соответствующих ойкумен) проявлением «цветных революций» можно считать события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.), где исторически обусловленные очаги повышенной гражданской активности вошли в серьезное противоречие с традиционными для тех мест формами правления.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в пределах одной статьи проведенный анализ столь сложных проблем не может претендовать на полноту и за-

вершенность; он также не подменяет и не исключает иных подходов к осмыслению данной темы, являясь лишь попыткой по-другому посмотреть на то, что сегодня волнует практически всех, но пока еще не имеет удовлетворительного решения.

Литература

В Братиславе проходит массовая демонстрация против мигрантов в ЕС. Новости Mail.ru: [сайт]. URL: // <https://news.mail.ru/incident/22414499> (дата обращения: 20.07.2015). (Mass demonstration against migrants in the European Union takes place in Bratislava. Mail.ru news: [website]. URL://<https://news.mail.ru/incident/22414499> (accessed: 7/20/2015).

Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М. : Риор, 2010. (Gapich A., Lushnikov D. Technologies of color revolutions. Moscow: Rior, 2010).

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. (Global Studies: International Interdisciplinary Encyclopedic Dictionary / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov. Moscow; Saint Petersburg; N.-Y.: Publishing Centre 'ELIMA', Publishing House 'Piter', 2006).

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни» // Век глобализации. 2014. № 2. С. 14–31. (Grinin L. E., Korotayev A. V. The inflationary and deflationary trends in the global economy, or 'the Japanese disease' is spreading // Vek globalizatsii. 2014. No. 2. Pp. 14–31).

ЕК предложила распределить 40 тыс. беженцев из Сирии и Эритреи по странам ЕС // Информационное агентство России ТАСС: [сайт]. URL: // <http://tass.ru/mezhdu-narodnaya-panorama/1998333> (дата доступа: 27.05.2015). (The European Commission suggested distributing 40 thousand refugees from Syria and Eritrea to the EU countries // TASS Russian News Agency: [website]. URL://<http://tass.ru/mezhdu-narodnaya-panorama/1998333> (accesses: 5/27/2015).

Кагарлицкий Б. «Оранжевый мираж» или начало политики? // Взгляд. Деловая газета. 19 ноября 2007. (Kagarlitsky B. 'An orange mirage' or beginning of policy? // Vzgljad. Delovaya gazeta. November 19, 2007).

Куда движется век глобализации? Сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. (Where is the age of globalization moving? Collection of articles / ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel, 2014).

Мадсен о лицемерии США: 64 «цветные революции» говорят за себя. 2015 // РИА Новости: [сайт]. URL: <http://ria.ru/world/20150308/1051500189.html?rubric=world> (дата доступа 08.03.2015). (Madsen about hypocrisy of the USA: 64 'color revolutions' claim for themselves. 2015 / RIA News: [website]. URL: <http://ria.ru/world/20150308/1051500189.html?rubric=world> (accessed: 3/8/2015)).

Образование гор // Экосистема: [сайт]. URL: <http://www.ecosystema.ru/07referats/goroobraz.htm>. (Mountain Formation // Ecosystem: [website]. URL: <http://www.ecosystema.ru/07referats/goroobraz.htm>)

Страны БРИКС создали аналог МВФ объемом \$100 млрд // rbc.ru: [сайт]. URL: <http://top.rbc.ru/finances/07/07/2015/559be15f9a79475a89ba60d0> (дата доступа: 7.07.2015). (BRICS countries have created the analogue of the International Money Fund of \$100 billion //

rbc.ru: [website]. URL: <http://top.rbc.ru/finances/07/07/2015/559be15f9a79475a89ba60d0> (accessed: 7/7/2015).

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон +, Реабилитация, 2006. (Chumakov A. N. Metaphysics of globalization: cultural and civilization context. Moscow: Canon +, Rehabilitation, 2006).

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014. № 2. С. 192–195. (Chumakov A. N. 'Soft power' as a way of the solution of problems in the global world // Vek globalizatsii. 2014. No. 2. Pp. 192–195).

Что такое литосферная плита? Генон: [сайт]. URL: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=93cd7844-ec02-410d-a5a7-d786bc339a5b>. (What is a lithosphere plate? Genon: [website]. URL: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=93cd7844-ec02-410d-a5a7-d786bc339a5b>).

Шумилов В. Н. Природа вулканов. 2010. URL: <http://shumilov.kiev.ua/geofizika/priroda-vulkanov.html>. (Shumilov V. N. Nature of volcanic eruptions. 2010. URL: <http://shumilov.kiev.ua/geofizika/priroda-vulkanov.html>).

Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 20. М. : Политиздат, 1961. (Engels F. Dialectics of nature. The role of work in the transformation of a monkey into the man / K. Marx, F. Engels // Collection of works 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Politizdat, 1961).

Kwang Chun. The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. Ashgate Pub Co, 2013.

McFaul M. Importing Revolution: Internal and External Factors in Ukraine's 2004 Democratic Breakthrough. CDDRL Working Papers, May 2006.